

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.7>

Красноярова Анна Александровна, Попкова Татьяна Дмитриевна

ХАРБИН И ШАНХАЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 2000-2010-Х ГГ. (РОМАНЫ Э. БАРЯКИНОЙ "БЕЛЫЙ ШАНХАЙ" И Е. АНТАШКЕВИЧА "ХАРБИН")

В современном литературоведении стало широко распространенным исследование различных вариантов "тематических текстов", среди которых новым направлением является "китайский текст". В настоящей статье рассматривается художественное пространство ("художественный мир"), собирательный образ жизни русских эмигрантов, оказавшихся в Китае в 1920-1930-е гг., описанных в романах "Белый Шанхай" Э. Барякиной и "Харбин" Е. Анташкевича. Подобный подход позволяет актуализировать литературный текст в контексте "образов культуры", изображающих реалии исторических событий России и Китая начала XX века без мифологизации этого периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 34-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Ковалева Г. Н. Неизвестный источник конспективных записей Л. Н. Толстого из подготовительных материалов к роману о Петре I и его времени // Толстой сегодня: материалы Толстовских чтений 2012 г. / отв. ред. Л. В. Гладкова. М.: Оригинал-макет, 2014. С. 105-110.
6. Ковалева Г. Н. Неизвестный источник конспективных записей Л. Н. Толстого о мужском и женском костюме петровского времени // Л. Н. Толстой в историко-культурном пространстве России: материалы Шестого международного толстовского конгресса / отв. ред. Л. В. Гладкова. М.: Севастополь, 2015. С. 82-90.
7. Корб И. Г. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и Великому Князю Московскому Петру Первому в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом / пер. с лат. Б. Женева и М. Семевского // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Унив. тип., 1866. Кн. 4. Октябрь-Декабрь. С. 1-122.
8. Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская; общ. ред. В. А. Жданова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 634 с.
9. Письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Страхову от 17 декабря 1872 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1953. Т. 61. С. 345-349.
10. Попов П. С. Примечания к материалам романа времен Петра I // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. С. 664-688.
11. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 29-ти т. М.: Унив. тип., 1868. Т. 18. 387 с.
12. Толстая С. А. Дневники: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. 1862-1890. 606 с.
13. Толстой Л. Н. Материалы к роману времен Петра I // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1936. Т. 17. С. 386-444.
14. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. М.: Наука, 2014. Т. 9. Художественные произведения. 773 с.
15. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого: в 6-ти т. СПб.: В Типографии II Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863. Т. 4. Ч. 1. 629 с.

UNKNOWN SOURCES OF L. N. TOLSTOY'S CONCISE RECORDS ABOUT FIGURES AND EVENTS OF PETER THE GREAT'S EPOCH

Kovaleva Galina Nikolaevna

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
galina-gnk@mail.ru*

For the first time the article introduces information about the actual sources of L. N. Tolstoy's concise records about the era of Peter the Great into scientific circulation. The research was carried out while preparing these records for publication in the full academic 100-volume collection of the writer's works. The identified sources reveal the meaning of Tolstoy's concise records from historical works, the contemporaries' memoirs and diaries, give an idea of what real historical facts, events, personages of Peter the Great's epoch attracted the writer's attention and were chosen as a documentary source for the historical novel about Peter I, which, as it is known, remained unfinished, only 26 literary fragments are available to us.

Key words and phrases: L. N. Tolstoy; Peter the Great; F. W. Bergholz; Friedrich Christian Weber; J. G. Korb; S. M. Solovyov; N. G. Ustryalov; concise records; era of Peter the Great; actual sources.

УДК 821.161.1(510)

Дата поступления рукописи: 20.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.7>

В современном литературоведении стало широко распространенным исследование различных вариантов «тематических текстов», среди которых новым направлением является «китайский текст». В настоящей статье рассматривается художественное пространство («художественный мир»), собирательный образ жизни русских эмигрантов, оказавшихся в Китае в 1920-1930-е гг., описанных в романах «Белый Шанхай» Э. Барякиной и «Харбин» Е. Анташкевича. Подобный подход позволяет актуализировать литературный текст в контексте «образов культуры», изображающих реалии исторических событий России и Китая начала XX века без мифологизации этого периода.

Ключевые слова и фразы: русская эмиграция; русское зарубежье; «китайский текст»; Харбин; Шанхай; Э. В. Барякина; роман «Белый Шанхай»; Е. М. Анташкевич; роман «Харбин».

Красноярова Анна Александровна

*Наньчанский университет, Китай
annaporkova1909@gmail.com*

Попкова Татьяна Дмитриевна, к. филос. н., доцент
*Шаньдунский женский университет, г. Цзинань, Китай
tatiana3@mail.ru*

ХАРБИН И ШАНХАЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 2000-2010-Х ГГ. (РОМАНЫ Э. БАРЯКИНОЙ «БЕЛЫЙ ШАНХАЙ» И Е. АНТАШКЕВИЧА «ХАРБИН»)

В последние десятилетия изучение русского зарубежья стало особым научным направлением культурологических и литературоведческих исследований. Среди них особое место занимает тема русского восточного

зарубежья, история которого существенно отличалась от истории других его ответвлений и которое до сих пор изучено значительно хуже, чем его «западные» – европейская и американская – ветви. Однако и это направление в течение последнего десятилетия развивалось достаточно активно. Многие аспекты этой темы были глубоко раскрыты в работах российских исследователей – А. А. Забияко, Г. А. Каневской, П. Е. Ковалевского, О. И. Кочубей, Е. Ю. Куликовой, М. Г. Литавриной, Г. В. Мелихова, В. Ф. Печерицы, С. Н. Савченко, М. В. Чуприной и других, внёсших значительный вклад в изучение судеб белоэмигрантов в Китае. Большое внимание этой теме уделили и выдающиеся китайские учёные-русисты – Ли Яньминь, Ван Чжичэн, Ли Сингэн, Ши Фан, Ли Шуан, Ли Дэбин, Ян Баолин, Чжан Цзунхай и др., а также молодые исследователи – Цзюй Вэй, Цзюй Кунь, Лю Ши, Лю Цуньин и др.

Актуальность нашей работы заключается в презентации одного из сегментов «китайского текста», который занимает особое место в ряду таких тематических групп, как Петербургский текст [10], Московский текст, Венецианский текст [8], Пермский текст [1].

Соответственно, **научная новизна** состоит в том, что впервые осуществляется литературоведческий анализ произведений современных авторов (на примере романов «Белый Шанхай» Э. Барякиной и «Харбин» Е. Анташкевича), описывающих события и жизнь русских эмигрантов в Китае начала XX столетия.

Основной **целью** исследования служит выявление авторского взгляда, приёмов описания, раскрывающих восприятие персонажами романов – русскими эмигрантами – китайского образа жизни и атмосферы, в пространстве которой они оказались в начале XX века.

Задачи исследования заключаются в анализе литературного описания авторами романов Э. Барякиной и Е. Анташкевича исторических реалий жизни русских эмигрантов в Харбине и Шанхае, их эмоциональной оценки, отражённой в тексте, а также выявление места личности и «голоса» персонажа в общественной жизни того времени.

Тема русского «восточного» зарубежья привлекла не только исследователей – литературоведов и культурологов, она получила художественное воплощение в ряде произведений, изданных в 2000-2010-е гг. Среди таких произведений можно назвать художественно-публицистическую книгу Н. Старосельской «Повседневная жизнь “русского” Китая», роман Б. Акунина “Vremena Goda”, роман Э. Барякиной «Белый Шанхай», авантюрно-приключенческий роман А. Орлова «Харбинский экспресс» (в двух книгах), роман Е. Анташкевича «Харбин», цикл романов В. Давыдова «Наследники по прямой» («Киммерийская крепость», «Предназначение», «Всем смертям назло») и некоторые другие произведения. Эти произведения стали органичной частью «китайского текста» современной русской литературы [7].

Русские анклавы, существовавшие в городах Харбин и Шанхай, расположенных на китайской территории, представляют в культурологическом плане уникальное явление. Они стали «островами спасения» для многих русских людей, выброшенных судьбой со своей родины, и одновременно «анклавами» русской культуры на Востоке. Несколько сотен тысяч русских людей, оказавшихся в них в результате событий Гражданской войны, с одной стороны, воспринимали себя как *последних* носителей и «хранителей» русской культуры; они органично ощущали свою «включённость в культуру Серебряного века», ориентируясь на его поэтические традиции, и воспринимали авторское мироощущение его «атмосферы» [4, с. 96]. С другой стороны, они трагически ощущали свою «ненужность», оторванность от родины и отсутствие какой бы то ни было перспективы для своей культурной подвижнической деятельности. «Опора на традиции Серебряного века становится в поэзии русской эмиграции результатом осознанного творческого выбора и основой для формирования поэтического языка в условиях пребывания в “другой” культуре» [5, с. 81].

Трагичность положения и мировосприятия русских эмигрантов усугублялась тем, что и Харбин, и Шанхай стали своеобразными «перекрёстками истории», где встретились противоположные интересы разных государств – Китая, Японии, Великобритании, Франции, Советского Союза и др., – а русские люди стали невольными заложниками этой политической ситуации, которая приводила к тому, что они оказались абсолютно беззащитны и могли использоваться другими государствами в самых разных целях, а надежда на «светлое будущее» была неопределённой и абстрактной.

Неслучайно в качестве главной, символической фигуры русской культуры стал восприниматься А. Блок, сама судьба и творчество которого (циклы «Снежная маска», «Роза и крест», «Ямбы», «Родина»; поэмы «Возмездие» и «Двенадцать») воспринимались эмигрантами в «пророческом», апокрифическом аспекте – как содержащие осмысление «страшного мира» и трагедии судьбы России и русского человека в начале XX в. [Там же, с. 77-79].

Роман Э. Г. Барякиной «Белый Шанхай» и роман Е. М. Анташкевича «Харбин» выражают современное художественное ощущение этой ситуации. Оба произведения практически не были замечены «официальным» литературоведением и критикой. Нам представляется интересным провести сопоставительный анализ авторского восприятия и способов подачи читателю «картины жизни» русских эмигрантов. Названия романов определяют основное место действия (художественное пространство) и «курс» его рассмотрения (в романе Э. Барякиной – с позиции «белых», оказавшихся в Шанхае; в романе Е. Анташкевича – как с позиции «белых», так и «красных» эмигрантов).

Роман Э. В. Барякиной «Белый Шанхай» точно воспроизводит исторические события, на фоне которых разворачивается основная сюжетная линия повествования. «В ноябре 1922 года... на кораблях эскадр контр-адмиралов Старка и Безуара прибыли 4,5 тысячи белоэмигрантов; в сентябре 1923 года к ним присоединились и остатки дальневосточной флотилии с беженцами на борту. Положение эмигрантской колонии в Шанхае, по сравнению с Европой и Харбином, было несравненно более тяжёлым, в том числе и из-за невозможности конкуренции с китайцами в сфере неквалифицированного труда», – отмечают современные исследователи [9].

История Китая второй половины XIX – первой половины XX в. (как, впрочем, и история русской эмиграции, особенно «восточной») плохо известна современным читателям, поэтому писателю, обратившемуся к этой теме, приходится делать отступления, в которых предлагаются исторические пояснения, воспроизводится фон событий. Читатель имеет возможность воссоздать в образном сознании картину шанхайской жизни и погрузиться в атмосферу трагических событий – жизнь русских людей, оставивших свою Родину и всё самое дорогое, что у них было, и отправившихся в неизвестность.

Основная сюжетная линия связана с главными героями – журналистом Климом Роговым и его женой Ниной. Особенностью романа является сложность и стремительность развития сюжета (что характерно для приключенческих повестей и романов), в который включаются разнообразные *микрсюжеты*, отвлекающиеся от основной линии, описывающие новых – второстепенных – персонажей и связанные с ними ситуации.

Второстепенные персонажи романа – чех Иржи Лабуда, потерявшая всех своих родных девочка Ада, содержательница борделя Марта, кадет Феликс, отец Серафим, журналистка англоязычной газеты «Ежедневные новости Северного Китая» Эдна Бернар и её муж Даниэль Бернар, жена состоятельного шанхайского адвоката Тамара, Рой Андерсен и некоторые другие – создают контекст описываемых событий. Характеры второстепенных персонажей стремительно изменяются, как изменяются и окружающие их «декорации». Таков, например, Даниэль Бернар, элегантный и воспитанный джентльмен, обладающий безупречными манерами и изысканным этикетом, который в середине повествования неожиданно резко оказывается расчётливым и эгоистичным предателем, или чех Иржи, который из скромного и застенчивого юноши становится циничным и похотливым человеком – скрытым воздыхателем Нины.

Главный герой романа – репортёр Клим Рогов, общительность и способность к выживанию которого позволяют ему быстро ориентироваться в сложившихся обстоятельствах и находить способы устройства своей судьбы, несмотря на неожиданно возникающие трудности. Уверенность, остроумие, талант и «везение» – вот его главные помощники: «Самоирония и умение видеть смешное даже в самых отчаянных ситуациях – это одни из основных черт в характере Клима» [11]. Жена Клима – Нина Васильевна Купина – помимо эффектной внешности также обладает уникальной способностью к выживанию в любых обстоятельствах. Нина обладает решительным и бескомпромиссным характером. Расставшись с мужем, она выбирает способ жизни авантюристки, стремясь легко и быстро получить деньги, необходимые ей для роскошной жизни.

Читатель обнаруживает в романе точные «зарисовки» жизни Шанхая 1930-х гг.: описание архитектуры, уличной жизни и домашнего быта его обитателей. Автор не претендует на историческую достоверность и не ставит перед собой цель представить абсолютно верное описание города, тем не менее некоторые выразительные штрихи дают представление об общей атмосфере города.

Воспроизведённые в романе «китайские» реалии повседневной шанхайской жизни – бурый дымок из печных труб, рикши, китайские служащие в синих кафтанах, полицейские сикхи, «лотосовые» ножки китайнок; иглотерапия, продажа опиума, передвижная кухня, уличный шум и иные подробности, создающие «национальный колорит», – чаще всего не имеют прямого отношения к основному сюжету, в центре которого происходят на фоне исторических событий сложные события в жизни главных героев; они создают общий фон, без которого невозможно было бы соотнести место действия с какой-либо определённой страной. Упоминание иероглифов и «фрикш» становится эмблемой, напоминающей о принадлежности города Китаю. Однако персонажи-китайцы действуют в основном за рамками главной сюжетной линии повествования.

Автор раскрывает особенности жизни русской «восточной» эмиграции посредством описания событий, происходящих в личной жизни персонажей, и ситуаций, в которых оказались жители расползённых на территории Шанхая «международного сэттльмента», руководимого англичанами, и «французской концессии», которые вынуждены были, соблюдая английские и французские законы, одновременно подчиняться и китайским законам, соблюдать китайские обычаи. Представленный в романе «национальный колорит» сочетается с передачей некоторых деталей «европейской» специфики города: *«Белая кожа – вот наш паспорт... тут даже кредит дают под честное слово белого человека. Но боюсь, все это скоро закончится»* [6, с. 17].

В глазах прибывших из России беженцев, находящихся на пароходе, вставшем на якорь в реке Хуанпу, Шанхай представлялся роскошным, впечатляющим, величественным, оживлённым городом: по набережной едут автомобили последних марок и прогуливается множество богато одетых людей. В городе находятся европейские дома, в которых расположены учреждения, сады и парки, разбитые на европейский манер, витрины магазинов поражают своим блеском. Рядом с «роскошным» европейским Шанхаем оказывается совершенно иной город, в котором окажутся усталые, голодные и больные беженцы, находящиеся на непригодных для дальнейшего плавания кораблях и вынужденные ожидать разрешения сойти на берег, чтобы стать частью этого «другого» Шанхая. «Роскошный» Шанхай не хотел принимать беженцев: *«Русских в городе уже больше шести тысяч: к тем, кто прибыл на кораблях Старка, прибавились беженцы, доехавшие до Шанхая на поезде»* [Там же, с. 32].

Драматичное описание жизни русских беженцев погружает читателя в атмосферу безысходной нищеты и униженного прозябания, опрокидывающих надежды эмигрантов на «лучшее будущее» вне России: *«Шанхайские содержатели ломбардов озолотились на беженцах, которые приносят им остатки прежней роскоши: драгоценные камни, меха, иконы и даже нательные кресты. <...> Мыло для стирки взвешивают на аптечных весах: “По одному куску в руки!” Очередь за ведром – воды принести, очередь на верёвку – бельё посушить. <...> Мыться приходится в китайских публичных банях»* [Там же].

«Белые люди» всегда воспринимались китайцами как богатые, успешные, на них всегда равнялись и стремились подражать им. Прибывшие же на кораблях беженцы, тоже «белые» люди, представляли жалкое зрелище. Они пополнили низший слой населения, претендуя на любые заработки, лишь бы не умереть от голода

на чужбине; в их глазах не было «величия», «уверенности» в себе и своих действиях, что совершенно не соотносилось с тем, как представляло их китайское население: *«Все мечутся в поиске денег. Первыми стали зарабатывать женщины, объявившие себя гадалками: их услуги пользуются огромным спросом среди соотечественников. <...> Кое-что удаётся заработать оркестру кадетского корпуса – его приглашают играть в кинотеатрах, на свадьбах и похоронах. Остальные пробавляются случайными заработками. <...> Самое трудное в эмиграции – начать с нуля... ..ты теряешь ценность не только в общественных, но и в собственных глазах»* [Там же, с. 28]. Появление «белых беженцев» вызвало большой резонанс не только среди европейцев, проживавших в Шанхае (немцев, французов, чехов, англичан), но и среди индусов и самих китайцев, которые стали относиться к русским как к «низшему» (относительно них) классу и нещадно эксплуатировать их на тяжёлых и малооплачиваемых работах – наряду со «своими» бедняками.

Безусловно, описываемые в романе события и ситуации, на первый взгляд кажущиеся разрозненными, имеют свою логику. Неожиданные изменения, происходящие в характерах героев, показывают, насколько сложными и трагичными оказываются исторические обстоятельства, переворачивающие жизнь людей. «Остаться на плаву» русским персонажам, оказавшимся во враждебном мире «чужого» для них города, помогают не только сила характера, но и личная (индивидуальная) способность к выживанию в любых обстоятельствах. Передаче этой мысли способствует «кинематографический» принцип «монтажа» сюжетной линии, используемый в композиции романа: фрагментарные описания сцен, быстро сменяемые «кадры» хроники событий прошлого столетия выглядят не столько как реальные события, сколько как «шлейф» памяти, старая кинематографическая лента.

Роман Е. М. Анташкевича «Харбин», названный автором «легендой-биографией», основан на реальных событиях, происходивших в Маньчжурии и России с конца XIX в. до конца XX в. В романе описаны исторические события, происходившие в первой половине двадцатого века, показаны психологически достоверные картины жизни русской эмиграции, раскрыты характеры героев, их оценка происходящих событий и душевные переживания. Сам автор так писал о предмете описания: *«В легенде-биографии “Харбин” придуманными являются лишь некоторые персонажи, но и то не полностью, поскольку в их историях использованы фрагменты жизни многих реальных людей, описавших события тех лет в мемуарах; а также тех – и это сделано с их ведома и согласия, – кто родился и вырос в Маньчжурии, в Харбине и ныне здравствует в Москве, в России и не только»* [3, с. 2].

Автор романа Е. Анташкевич сравнил «китайский город» Харбин со сказочным исчезнувшим градом Китежем, поясняя, что это неточное в строго научном смысле сравнение «родилось у первостроителей, русских беженцев и уроженцев этого города в их следующем беженстве и рассеянии по всему свету» [2, с. 16]. Идеализированное и романтическое восприятие Харбина сохранялось до недавнего времени – как эмигрантами и их потомками, так и китайцами, которые стремились посетить город для того, чтобы увидеть русские кварталы и ощутить «дух» иного времени.

Писатель ярко передаёт атмосферу Харбина, вызывая у читателей образ «вавилонского столпотворения»: *«В Харбине мирно слились две нации – русские и китайцы. К русским примыкали украинцы, татары, грузины, армяне, евреи, литовцы, латыши, эстонцы, а китайцев было просто очень много. Для русских весь Восток был на одно лицо: что китайцы, что корейцы, а для китайцев, кроме них самих, все были русские. Особняком жили только японцы»* [3, с. 352]. Подобное смешение народов, как свидетельствует дальнейшая история города, впоследствии привело к ситуации разделения зон политического влияния и власти, что отразилось на жизни диаспор (многие вынуждены были уехать в Шанхай или вообще покинуть Китай в поиске «спокойной жизни»).

Если в глазах русских эмигрантов Шанхай представлял как европейский (и даже американский) город, то Харбин выглядел как город сугубо русский (таким дореволюционным русским городом он оставался до 1945 г.). Автор сравнивает облик Харбина с пейзажами русских городов, особо обращая внимание на церковки, монастыри, соборы. Именно это сходство больше всего поражает одного из главных героев романа – Кузьму Ильича Тельнова, приехавшего в Китай вместе со своим покровителем Александром Адельбергом: *«Свят, свят! Господи, спаси и помилуй! Разве же это Китай? Это ж Россия-матушка! Калуга! Тверь! Понюхайте! Пахнет пирогами... с капустой!»* [Там же, с. 147].

В романе явственной становится проблема значимости и ценности человеческой жизни. В тексте достоверно переданы экзистенциально наполненные размышления русских людей, оказавшихся на чужбине. Пожалуй, наиболее точно передаёт их мысли философская сентенция: *«Мы – странники на земле. Вот бы научиться этому мудрому бесстрастию странника...»* [Там же, с. 259]. Чувство изоляции от родины, потребность русского человека замкнуться в кругу близких людей, сократив до минимума общение с внешним миром, определяют автором через понятие «комнатные люди»: *«Это мы, – думал Александр Петрович, – ...не отстают от своих маленьких компасиков, игнорируя бушующую “магнитную бурю”. И беспомощно блуждают: такие жалкие-жалкие... <...> “Жалкие комнатные люди”! – Александр Петрович повторил эти слова и удивился, что он только что с такой лёгкостью, чего у него не получалось раньше, сам зачислил себя в их число»* [Там же, с. 279-280].

Когда современный читатель, углубляясь в страницы романа, начинает наблюдать за действующими лицами, то в нём зарождается ощущение того, что все персонажи были реальными историческими лицами, чьи судьбы являются типичными для того времени. Главные «виновники» – идеологи свершившейся исторической драмы – Сталин, Чан Кайши, Микадо – сами не появляются в повествовании, но связанные с ними «идеи» губительным образом воздействуют на жизни русских людей, оказавшихся в Харбине.

Художественное пространство не ограничивается описанием Харбина: в него включается практически вся Россия (Петербург, Москва, Сибирь, Хабаровск) и Маньчжурия (Цицикар).

Главными героями первых двух частей романа являются белогвардейский полковник Александр Петрович барон фон Адельберг, потомственный остзейский дворянин, возвращающийся домой в Харбин через Сибирь и Маньчжурию, и таёжный знахарь Михаил. Оба образа выписаны ярко и выразительно, с большим количеством точных подробностей.

Александр Петрович Адельберг – полковник русской императорской армии, прибывший вместе с женой из Петербурга в Харбин для службы в разведке, охранявшей «полосу отчуждения» КВЖД Особого пограничного Заамурского округа. Читателя привлекает сдержанный, рассудительный характер персонажа: он внимателен к окружающим людям, умеет мгновенно «считывать» их намерения и последующие поступки, осторожен и немногословен, что характеризует его как опытного разведчика.

Полковник Адельберг не является «публичным» человеком: цельность его натуры раскрывается через его дела и поступки, которые он совершает после тщательного обдумывания. Создавая образ Адельберга, автор в большинстве случаев раскрывает его через внутренний монолог. Умение разговаривать проявляется, прежде всего, в его общении с женой Анной. Читатель постепенно узнаёт об аристократичности, высоком интеллекте Адельберга, о его умении объективно оценивать происходящие события. Через его неспешные беседы со своей женой в полной мере раскрывается роль русских офицеров, потерявших родину и оказавшихся очевидцами событий Гражданской войны.

Второй не менее яркий герой романа – добрый, искренний Михаил – байкальский травник и таёжный знахарь. Эпизоды романа, в которых участвует герой, показывают, что его поступки наполнены заботой о людях, а незамысловатая речь передает всю полноту его души: *«Ослаб ты совсем! Как с Байкала-т пришли – так ты три седмицы в себя не приходил. У меня уж и опаска появилась, что помрешь... Ты, Петрович, покамест молчи, тебе гурторить не надо. Ты покуда в бреду металси, много чего наговорил»* [Там же, с. 73].

Судьбы полковника Адельберга и Михаила несколько раз пересекаются: расставаясь, они снова встречаются, крепко переплетая свои жизни. Адельберг, обязанный Михаилу жизнью, пытается выручить его семью, когда тот от отчаяния решает покинуть таёжный угол и перебраться в Китай, но, к сожалению, не успевает вовремя приехать в пункт сбора беженцев. Главные персонажи раскрываются перед читателями как состоявшиеся личности, жизнь которых наполнена смыслом, важными целями и ответственностью – не только за себя, но и за других. Эти люди, охраняющие семью и близких людей, стремящиеся сохранить личную порядочность и избегающие при этом громких слов и заявлений, оказываются истинными русскими патриотами.

В романе «Харбин» можно выделить две системы ценностей, раскрывающие сущность русской ментальности. С одной стороны, это вера в Божественное провидение и поддержку. Выразителями такой позиции являются истинный православный верующий Кузьма Ильич Тельнов и знахарь Михаил, органично связанный с миром природы. Обоих героев объединяют жизнелюбие и человеколюбие, благородство, искренность и открытость, глубокая вера в существование добра и справедливости, духовное сопричастие Богу. С другой стороны, это воплощённая гармония между мужским и женским началами в их единстве и неразрывности, которое выражено через жизнь супругов Адельбергов: у мужа – ярко выраженная маскулинность, харизма, твёрдость характера, решительность, стремление двигаться вперёд, рассудительность, разумная осторожность, гибкость ума; у жены – нежность, мягкость, спокойствие, умение принимать жизнь таковой, какую ей уготовила жизнь с мужем, стойкость в отношении ударов судьбы (но не бессловесность!), преданность мужу, к которому она питает глубокое уважение и любовь, и семье, приветливость по отношению к окружающим – наряду с силой духа и материнской верой. В этом мы можем увидеть обращение автора к китайскому миропониманию, выраженному в философии даосизма о предназначённости человеческого пути, в единстве мужского и женского начал (Инь и Ян).

Романы «Белый Шанхай» и «Харбин», написанные в начале XXI в., посвящены жизни русской эмиграции. Писатели обратили внимание на события, происходившие в начале прошлого столетия, которые связали судьбы русских людей, оказавшихся в Китае. Сопоставляя романы, можно сделать вывод, что они в ряде аспектов дополняют друг друга, помогая читателю воссоздать целостную картину жизни русской восточной эмиграции. Романы приоткрывают завесу истории – одну из возможных дверей в прошлое, которое для каждого читателя оказывается «своим» – в зависимости от его личного опыта.

Оба романа имеют сложную жанровую природу: их можно определить как исторические романы, имеющие документальную основу, в которых события из жизни героев протекают на фоне грандиозных эпических перемен. В обоих романах, помимо главных персонажей, с которыми связана основная сюжетная линия, появляется множество персонажей второстепенных, с каждым из которых связана микро-сюжетная линия, ответвляющаяся от главной. Эти персонажи представляют как русское население Шанхая и Харбина, так и китайское население этих регионов, а также многочисленных представителей других стран.

В то же время каждое из произведений имеет свою специфику. В романе Е. Анташкевича можно увидеть черты «военного дневника», «семейной саги» и одновременно – «шпионского романа». В романе Э. Барякиной – воздействие «любовного» романа, элементы детектива и «личного» дневника. В романе «Белый Шанхай» лучше выражено индивидуальное начало русского человека, помогающее ему выжить в «европейском» городе – «Вавилонской блуднице». Роман «Харбин», наоборот, раскрывает «соборное» начало жизни русских людей (принятие представителей других национальностей, их картины мира, образа жизни и верований), их стремление жить в мире и согласии с другими народами.

Воссоздавая мир героев, писатели используют разные художественные приёмы. Э. Барякина избегает пространных описаний: упоминания знаковых объектов и районов Шанхая, зарисовки быта его обитателей,

эпизодические описания внешнего вида и поведения представителей русской эмиграции позволяют подготовленному читателю воссоздать в своём воображении недостающие элементы городской среды – шанхайские улицы, городские постройки, интерьер помещений, особенности внешнего облика персонажей. Характерной особенностью романа Э. Баряжиной является кинематографичность. Автор стремится передать растерянность людей, оказавшихся в чужой стране, раскрыть их психологическое состояние и остроту переживаний, показать, как они пытаются, с одной стороны, сохранить себя, а с другой стороны, измениться, чтобы выжить. Время не даёт им ни минуты промедления, поэтому события сменяются быстро, как в калейдоскопе, и так же быстро герои должны принимать судьбоносные решения.

Объёмный текст романа «Харбина» связан со стремлением автора раскрыть трагические страницы истории России и одновременно показать деятельность разведок России, Японии и Китая. Большое значение имеют транслируемые персонажами размышления автора о судьбе русских, о причинах их исторической отверженности от горячо любимой родины. Воспроизведение психологической и душевной драмы персонажей предполагает понимание читателем сути происходящих исторических событий и умение учитывать контекст событий, углублённо и внимательно воспринимать текст «между строк», открывать в репликах героев и комментариях к ним скрытый смысл. Основная сюжетная линия романа Е. Анташкевича, круг его главных героев представлены в первом томе (всего 3 тома: «Путь», «Нашествие», «Освобождение»), последующие два служат продолжением событий в другом временном пространстве и с другими персонажами, которые в качестве вспомогательных появлялись в первой части трилогии. Судьба основных героев романа заканчивается трагично, автор тем самым подчёркивает ситуацию невозвратности и тщетности жизненных чаяний русских людей из разных социальных сословий, попавших в исторический колдоворот начала XX века.

В «Белом Шанхае» сильнее выражена авторская ирония, что способствует возникновению у читателя впечатления о кажущейся поверхностности, лёгкости и «несерьёзности» текста; в «Харбине» текст, идущий от автора, отличается большей обстоятельностью, наличием философских отступлений. Оба писателя описывают трудности жизни русских эмигрантов и стремятся раскрыть различные способы «вживания» в чужую среду; показать необратимость происходящих изменений, понять последствия для русского человека вынужденной изоляции от Родины и необходимость смирения с ролью «чужого» в новой для них стране, стремление русских воссоздать на территории Китая свой самобытный «мир» (либо совсем маленький, личный – мир своей семьи и ближайших друзей, либо более широкий, включающий «общину»), изолированное личное пространство, защищая его от вторжения внешних сил. Финал романа «Белый Шанхай» воспринимается достаточно сложно с позиции ожидания читателя, поскольку автор решает либо всех предать смерти, либо просто не упоминать о ком-то, либо перемещает героев в Россию, где, безусловно, их ждёт неминуемая смерть.

Роман Э. Баряжиной не является эталоном классического стиля изложения, поэтому внимательный читатель обнаружит элементы эклектики стиля письма – от манеры повествования начала XX века, которой автор пользуется в начале романа, до современного языка.

Нами проанализированы два романа писателей XXI в. Э. В. Баряжиной и Е. М. Анташкевича, посвящённых русским эмигрантам в Китае. Два художественных произведения, созданные представителями разных поколений, предоставляют читателю возможность реконструировать образы прошлого и воспроизвести трагическую картину жизни русских людей, «выброшенных» потоком истории в чужой мир. Один и другой автор обращают своё внимание на события, происходившие сто лет назад и которые связали судьбы русских людей вдали от родины. Авторы по-разному обрисовывают пространство, в которое они помещают героев своих романов, повседневную жизнь, исходя из личных воспоминаний и исторических документов или воспоминаний соотечественников.

В обоих романах прочитывается экзистенциальный контекст жизни русских эмигрантов в чуждых для многих из них китайской среде, при этом жизнелюбие, умение приспособливаться и обустроиваться в новых условиях позволяют им преодолевать возникающие коллизии, но не без «потерь». У Э. Баряжиной судьба героев романа «исчезает» во времени, у Е. Анташкевича – впоследствии трансформируется в жизни их детей.

В обоих романах судьбы главных персонажей играют незначительную роль в общем потоке событий, при этом они обладают характерными личностными чертами, амбициозностью, целеустремлённостью, что и позволяет говорить о сохранении у них «русского характера», вопреки сложившемуся мнению о том, что иностранцы, попадающие в Китай, «окиитаиваются». Да, они принимают и подчиняются новому образу жизни, при этом сохраняя свою национальную ментальность и способность создавать свой особый мир, закрытый от посторонних взглядов. А неугасаемая энергия, страсть к риску, нередко и авантюризм (преимущественно у героев романа «Белый Харбин») завершают целостный портрет русских эмигрантов. В этой связи мы можем говорить о «китайском тексте» не как не об объекте, отражающем внешний мир, а как о способах его видения, интерпретации и репрезентации в литературном художественном мире.

Список источников

1. **Абашев В. В.** Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 492 с.
2. **Анташкевич Е. М.** Град Китеж в Китае // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (г. Харбин, 16-18 июня 2018 г.) / отв. ред. Ли Яньлин; ред. кол. А. М. Буяков, С. Ю. Еремин, А. А. Забияко, И. К. Каприн, М. Б. Сердюк; пер. на кит. яз., лит. ред. Чжоу Синьюй и др. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. С. 16-20.

3. Анташкевич Е. М. Харбин: роман. М.: Центрполиграф, 2012. 783 с.
4. Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Начало пути: стратегии поэтического самоопределения в ранней лирике О. Скопиченко, М. Визи, Е. Грот // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 90-97.
5. Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Традиции символизма в цветописии М. Визи // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 75-82.
6. Барякина Э. В. Белый Шанхай [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html> (дата обращения 04.05.2019).
7. Кондаков Б. В., Красноярова А. А. «Китайский текст» русской литературы (к постановке вопроса) // Казанская наука. 2018. № 10. С. 44-48.
8. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. 391 с.
9. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php> (дата обращения: 19.06.2019).
10. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. 621 с.
11. Эльвира Барякина: Американская мечта [Электронный ресурс] // Интервью. Люди и события. URL: <http://interviewmg.ru/944/> (дата обращения: 19.06.2019).

**HARBIN AND SHANGHAI IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 2000-2010S
(THE NOVELS “WHITE SHANGHAI” BY E. BARYAKINA AND “HARBIN” BY E. ANTASHKEVICH)**

Krasnoyarova Anna Aleksandrovna
Nanchang University, The People's Republic of China
annapopkova1909@gmail.com

Popkova Tat'yana Dmitrievna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Shandong Women's University, Jinan, The People's Republic of China
tatyana3@mail.ru

Modern literary criticism focuses on studying different types of “thematic texts”, among which particular attention is paid to the “Chinese text”. The article examines artistic space (“artistic world”), the collective image of the Russian emigrants in China in the 1920-1930s described in the novels “White Shanghai” by E. Baryakina and “Harbin” by E. Antashkevich. Such an approach allows actualizing the literary text in the context of “cultural images” providing a reliable description of historical events in Russia and China at the beginning of the XX century.

Key words and phrases: Russian emigration; Russian émigré community; “Chinese text”; Harbin; Shanghai; E. V. Baryakina; novel “White Shanghai”; E. M. Antashkevich; novel “Harbin”.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 09.09.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.8>

В статье рассматривается книга стихов Ю. В. Мамлеева «Невиданная быль». Являя собой предвестие глобальной трансформации мироздания, анализируемые стихотворные тексты несут в себе ощущение глубинной связи всех элементов бытия с Абсолютом, Истиной. В атмосфере хаоса, абсурда и апокалиптичности, отражающих обратную, темную суть субъекта и окружающего, в этих стихах актуализируется эсхатологический аспект, характерный для русской классической литературы и связанный с верой в спасительные трансцендентные силы, заложенные в самой природе российского сознания и духа.

Ключевые слова и фразы: Ю. В. Мамлеев; эрос; танатос; «Невиданная быль»; поэзия; абсурд.

Меркушов Станислав Фёдорович, к. филол. н.
Тверской государственный университет
stas2305@gmail.com

ЭРОТОЛОГИЯ, ТАНАТОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА АБСУРДА В СТИХАХ Ю. В. МАМЛЕЕВА

Ю. В. Мамлеев выразил свое понимание онтологии мироздания в трех обширных мировоззренческих концепциях, представленных в философских трудах «Судьба бытия» (в частности в последней его главе – «Последней доктрине») [4] и «Россия вечная» [3] и, собственно, в своем художественном творчестве. Известный как прозаик, в своей последней художественной книге «Невиданная быль» (2014) [2], состоящей в основном из поэтических произведений, Ю. В. Мамлеев отстаивает идею единства стихов и прозы, их синтетического взаимодействия. В соответствии с авторским замыслом стихотворения книги существуют не автономно, а как созданные персонажами прозаических текстов, предпосланных стихам и написанных Ю. В. Мамлеевым в разные творческие периоды. Большинство поэтических текстов публиковались впервые, но собранные вместе с непозитическими в искомой книге, они бытуют в совокупности как целостная законченная художественная структура.